

Федерализм в международном частном праве Европейского Союза

Е.В. Постникова

доцент кафедры международного публичного и частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук. Адрес: 1010000 Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: epostnikova@hse.ru

Ж. Эйманн

профессор факультета права Лионского (Люмьер) университета, доктор права. Адрес: Рю Университе, 4, Лион 69007, Франция. E-mail: Jeremy.Heymann@univ-lyon2.fr

Аннотация

Учитывая, прежде всего, тенденции развития экономической интеграции, выразившейся в широком распространении интеграционных объединений, возможно, понятие федерализма следует отождествлять не только лишь с формой территориального устройства государства, но также с некоторыми международным организациям и/или межгосударственным объединениям. В качестве наиболее яркого примера выступает Европейский Союз (ЕС). При объединении государств в союз на основе принципа федерализма предстоит решить, на кого будет возложена обязанность регулирования коллизий в частноправовой сфере при множественности правовых систем. Основная цель исследования заключается в определении того, кому принадлежит компетенция в сфере регулирования вопросов МЧП в ЕС, а также в выявлении влияния федеративных черт, присущих ЕС, на отношения государств-членов ЕС в сфере МЧП. На основе анализа доктрины, а также учредительных договоров ЕС и практики Суда ЕС в статье выделяются характерные для ЕС элементы федерализма, при этом подчеркивается отсутствие единогласия среди представителей доктрины в отношении правовой природы ЕС. Компетенция ЕС, как внутренняя, так и внешняя, в сфере МЧП является компетенцией ограниченной. Унифицируя нормы государств-членов в области конфликта законов и споров о подсудности, ЕС вышел за рамки своей компетенции, в частности, нарушив как принцип субсидиарности, так и принцип пропорциональности. В статье на примере решений Суда ЕС по делам в отношении двойной фамилии рассматривается влияние материального права ЕС на механизмы национально-правового регулирования вопросов, входящих в сферу МЧП. Федеративные черты ЕС произвели настоящий переворот в отношении традиционного понимания конфликтов законов, что привело к возникновению нового типа конфликта — «диагонального конфликта». Логика федерализма влечет для МЧП государств-членов последствия, которые, в основном, принимают форму конституционных ограничений и концентрируются в сфере основных свобод ЕС. В итоге заимствования черт федерализма коллизии законов в рамках ЕС впредь должны пониматься как совокупность и традиционных частноправовых вопросов, и вопросов разделения компетенций, которые теперь рассматриваются с точки зрения конфликта юрисдикций.

Ключевые слова

федерализм, международное частное право, федерация, конфликт законов, федерация государств, Европейский Союз, право ЕС.

Библиографическое описание: Постникова Е.В., Эйманн Ж. Федерализм в международном частном праве Европейского Союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 4. С. 147–164. JEL: K33; УДК: 342

Федерализм в международном частном праве (далее — МЧП) — комплексная тема, лежащая на пересечении публичного и частного права. Публичная составляющая здесь является главенствующей. Универсального определения федерализма не существует, о чем свидетельствует большое разнообразие подходов по данному вопросу¹. Д. Элазар предложил целый ряд причин, лежащих в основе расхождения взглядов на сущность федерализма, а также типологию политических федеративных систем². Ж.-Ф. Обэр в отношении федеративного государства подчеркивает, что никогда не удавалось определить его сущность таким образом, чтобы это показалось достаточным всем теоретикам³.

В российской науке конституционного права понятие федерализма часто неразрывно связано с федеративным устройством государства⁴. Однако обращаясь к трудам некоторых отечественных, но, в основном, зарубежных специалистов в области конституционного и международного права, учитывая тенденции развития экономической интеграции, выразившейся в распространении интеграционных объединений, понятие федерализма не следует полностью отождествлять лишь с формой территориального устройства государства⁵. Следует также говорить о федерализме применительно к некоторым международным организациям и/или межгосударственным объединениям.

Особого внимания заслуживает в свете нашего исследования доктринальный подход, согласно которому следует разграничивать понятия федерации и государства. При этом разные исследователи приводят различные основания разграничения. О. Бо ссылается на критерий суверенности (в том числе говоря о разделении полномочий между федерацией и субъектами, о двойном гражданстве в смысле гражданстве федерации и субъектов, критически относясь к терминам разделенного, ограниченного суверенитета)⁶. Игнорируя классическую доктрину конституционного права, он противопоставляет федерацию идее суверенитета и делает вывод, что федерация — это союз государств, который не обладает качеством государства, а является «особым политическим объектом»⁷. Под это определение как раз и подпадает Европейский Союз (далее — ЕС). По его мнению, классическая доктрина, проводящая разграничение между международным публичным правом и внутригосударственным правом с точки зрения суверенитета, упускает общую идею федеративного союза⁸. Э. Золлер отличает унитарное государство от федерации государств не на основании суверенитета, но исходя из сути понятия государства⁹. При этом данный

¹ См. классификацию концепций форм реализации федерализма: *Stewart W.-H. Concepts of Federalism*. Boston: University Press of America, 1984.

² См. подробнее: *Elazar D. Federal System of the World: A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements*. Harlow, 1994. P. 15; *Elazar D. Exploring Federalism*. Tuscaloosa, 1987. P. 18.

³ *Aubert J.-F. Traité de droit constitutionnel suisse*. Vol. 1 // Neuchâtel: Ides et Calendes. 1967. n. 510. P. 195.

⁴ См., напр.: *Червонюк В., Калинин И., Иванец Г.* Энциклопедический словарь «Конституционное право России». М., 2002 // URL: determiner.ru/dictionary/543 (дата обращения: 15.04.2015); *Глигич-Золотарева М.В., Добрынин Н.М.* Синергетика федерализма (часть 1) // Право и политика. 2006. № 11. С. 5–16; *Бредихин А.Л.* Федеративная система Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс; *Черниченко С.В.* Контуры международного права. Общие вопросы. М., 2014. С. 239.

⁵ *Elazar D.* Op. cit. P. 15–21.

⁶ *Beaud O.* La puissance de l'État. Paris, 1994. P. 147; *Beaud O.* Fédéralisme et souveraineté. Notes pour une théorie constitutionnelle de la Fédération // RDP. 1998. P. 83–122.

⁷ *Beaud O.* Op. cit. P. 94.

⁸ *Ibid.* P. 92.

⁹ *Zoller É.* Aspects internationaux du droit constitutionnel, Contribution à la théorie de la fédération d'États // RCADI. 2002. no 24, 25. P. 63–64.

исследователь подчеркивает, что федерация государств также является суверенным образованием с точки зрения международного права.

Когда государства собираются объединиться в союз на основе федеративного принципа, предстоит решить на кого будет возложена обязанность регулирования коллизий в частноправовой сфере при множественности правовых систем. Речь идет как о межгосударственном (в рамках образованного союза государств), так и о международном уровнях (вне рамок этого союза).

Таким образом, может ли объединение государств в союз привести к возникновению конкуренции компетенций (государств и союза) в сфере регулирования вопросов МЧП, или, напротив, оно создает систему, в рамках которой иерархия отношений между государствами и союзом наделяет последний высшей властью и исключительной компетенцией в отношении регулирования указанных вопросов? Четкий и однозначный ответ на поставленный вопрос найти крайне сложно, поскольку создание государствами интеграционного объединения приводит к формированию своеобразного «клубка правовых систем», распутать который очень трудно. Тем не менее, стоит полагать, что данная проблема неразрывно связана с федерализмом и всеми значениями, которые может принимать данный термин. Если говорить точнее, то основная трудность заключается в том, что федерализм является, прежде всего, идеей, формой государственного устройства, которая может выражаться в различной организации систем государственных органов, но которая, тем не менее, подчиняется одной закономерности: поиск подходящей формы единства с сохранением определенной степени разнообразия. Иначе говоря, субъекты стремятся к единству, стараясь не утратить при этом присущие им особенности.

С этой точки зрения большой интерес вызывает ЕС. В статье будет рассматриваться федерализм самого ЕС и никак не будет затрагиваться территориальное устройство его государств-членов. Главная цель исследования, посвященного федерализму в МЧП ЕС, заключается в определении, в основном на основе учредительных договоров, кому принадлежит соответствующая компетенция: Союзу или государствам-членам, а также в выявлении влияния федеративных черт, присущих ЕС, на отношения государств-членов и ЕС в сфере МЧП.

Сразу может возникнуть вопрос: насколько оправдано говорить о федерализме применительно к ЕС? Прежде всего, попытаемся прояснить, хотя бы в общих чертах, вопрос о его правовой природе, не вдаваясь в детали и не ставя целью поставить точку в этой дискуссии.

Правовая природа Европейского Союза

Прежде всего вспомним историю формирования европейской идеи первой половины XX века¹⁰, в рамках которой одним из ведущих был проект Соединенных Штатов Европы (СШЕ), предлагающий образец США в качестве основы объединения европейских стран. Так что идея федерализма применительно к ЕС не является новой. С момента принятия Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали и до настоящего момента Европейские Сообщества (ныне — ЕС) характеризуются тенденцией постоянного развития. В российской доктрине активно велись споры о международной правосубъектности ЕС, особенно до вступления в силу Лиссабонского

¹⁰ См. в том числе: Юмашев Ю.М. Развитие «Европейской идеи» после Первой мировой войны: от «Паневропы» Куденхова-Калерги до «неофункционализма» Э. Хааса и межгосударственной теории интеграции А. Моравчика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 6(37). С. 70–82.

договора¹¹. Представители российской и европейской доктрины права называли ЕС и международной межправительственной организацией¹², и международной организацией с элементами наднациональности¹³, и наднациональной организацией как разновидностью международной организации¹⁴, и международной организацией особого рода (*sui generis*)¹⁵, и интеграционным образованием, радикальным образом отличающимся от международной организации¹⁶, и наднациональной организацией (в противопоставление международной организации)¹⁷, и наднациональной организацией политической власти¹⁸, и политическим объектом с неопределенным содержанием («Objet Politique Non Identifié» — франц.)¹⁹, и конфедерацией²⁰ и даже «федерацией государств-наций»²¹.

¹¹ Consolidated Versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal C 115, 09.5.2008. См.: Мюллер-Графф П.-К. Лиссабонский договор в системе первичного права Европейского Союза / пер. Юмашева Ю.М. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 1. С. 80–99.

¹² Pellet A. Les fondements juridiques internationaux du droit communautaire. Collected Courses of the Academy of European Law. The Hague/Boston/London, 1994. Vol. 1–2. P. 193–271.

¹³ Т. Хартли ссылается на мнение других специалистов по праву ЕС (М. Раффер, К. Уолтер): ЕС — это международная организация с элементами наднациональности. Критериев, которые бы позволили выделить наднациональную организацию в отличие от международной организации, пока не существует. В ЕС превалирует межгосударственное сотрудничество. См.: Hartley T. European Union Law in a Global Content: text, cases, materials. 2004. P. 145–155.

¹⁴ Т. Хартли рассматривает ЕС как международную организацию с наднациональной компетенцией, а не как федеративное государство. Наднациональная организация является одной из разновидностей международных организаций. См.: Hartley T. Op. cit. P. 145–155. И. Кунц считал, что международное право в целом должно быть наднациональным. Kunz J. Supranational organs // A.J.I.L. 1952. Vol. 4. P. 695–698. Ю.А. Тихомиров включает в рамки родового понятия «международная организация» понятие «межгосударственное объединение» и наделяет последнее чертами интеграционного объединения. См.: Вишняков В.Г., Егиазаров В.А., Королев Ю.А. и др. Право и межгосударственные объединения. СПб., 2003. С. 13. Е.Б. Ганюшкина считает, что термин «межгосударственное объединение» шире понятия «международная организация». См.: Ганюшкина Е.Б. Правовая природа межгосударственных объединений / Правовые исследования: новые подходы. Сборник статей факультета права НИУ ВШЭ / ред.: Е.Н. Салыгин и др. М.: КОНТРАКТ, 2012. С. 483.

¹⁵ См., например: European Union Law. Cases and materials / D. Chalmers, G. Davies, G. Monti. 3rd ed. Cambridge, 2014. P. 2–41 passim.

¹⁶ Л.М. Энтин квалифицирует ЕС как интеграционное образование, радикальным образом отличающимся от международных организаций. См.: Европейское право: учебник / под ред. Л.М. Энтина. М., 2005. С. 28–43.

¹⁷ В науке международного права (преимущественно, в зарубежной) распространена точка зрения, что необходимо отличать наднациональные организации от классических международных организаций. См., напр.: Усенко Е.Т. Проблемы экстерриториального действия национального закона // Московский журнал международного права. 1996. № 2. С. 13–31. В одном из трудов немецкой школы по международному праву подчеркивается отличие наднациональной организации и международной организации в силу характера действия их правовых актов. См.: Витцтум В. и др. Международное право. М., 2011. С. 351.

¹⁸ См., например: Введение в право Европейского Союза: учебник. 3-е изд. / Кашкин С.Ю., Калиниченко П.А., Четвериков А.О. М., 2010. С. 12.

¹⁹ См.: Quertonne J.-L. Existe-t-il un modèle politique européen? // Rev. fr. sc. pol., 1990. P. 192–211, spéc. P. 194.

²⁰ Н.А. Ушаков предложил рассматривать наднациональные организации как современную модель конфедеративных объединений государств. См.: Ушаков Н.А. Государство в системе международно-правового регулирования. М., 1997. С. 50–58. См. также: Elazar D. Op. cit. P. 18.

²¹ Delors J. Ma vision d'une Fédération des États-nations // Le Monde des Débats, juillet-août 2000. P. 5.

Как отмечает в своей работе А.А. Моисеев, основной особенностью ЕС, имеющего международно-правовую природу, следует считать его надгосударственный характер, который проявляется как объективный процесс, отражающий потребности гармонизации развития как Союза, так и государств-членов²². Закономерно возникает вопрос о содержании понятия надгосударственности или наднациональности и присущих ему чертах. Среди черт ЕС, представляющих собой надгосударственные особенности права европейской интеграции, А.А. Моисеев выделяет: приоритет права ЕС над внутригосударственным правом; волеизъявление надгосударственной организации имеет нормативную силу через принятие соответствующих правовых актов и прямое действие на территории государств-членов; Комиссия и Парламент ЕС представляют не государства, а народы и обладают независимостью от государств-членов; для достижения целей учредительных договоров институты ЕС имеют возможность самостоятельно расширять пределы своей компетенции²³. При этом подчеркивается особенность надгосударственных элементов ЕС, которые нельзя отождествлять с элементами, присущими некоторым традиционным международным организациям. С позиции наднациональности интересны, в том числе ст. 207, 218 и 352 Договора о функционировании Европейского Союза (далее — ДФЕС).

П.-К. Мюллер-Графф квалифицирует ЕС как международно-правовое объединение и выделяет следующие особенности формируемой правовой модели ЕС: сохранение идеи сочетания наднациональных и межгосударственных элементов деятельности Союза; подтвержденный практикой, если не федеративный, то по крайней мере квазифедеративный характер данной деятельности²⁴; Лиссабонский договор не наделяет Союз компетенцией принимать в одностороннем порядке самостоятельные меры в сфере действия компетенций государств-членов против их воли²⁵. Кроме этого, он отмечает, что в Лиссабонском договоре еще сильнее выделяется значение принципа «приданных компетенций» (принцип законности или наделения компетенцией)²⁶, что свидетельствует о стремлении подчеркнуть международно-правовую основу Союза как транснациональной общности. Кроме того, закрепляется наднациональный характер принятия Советом решений, обязательных для государств-членов, существенно расширяется сфера действия наднационального регулирования²⁷.

Некоторые европейские исследователи придерживаются также точки зрения, что в рамках ЕС процесс федерализации находится на стадии становления и в результате была сформирована совокупность институтов, образующих комплексную правительственную структуру с еще не определившейся природой: федеративной или конфедеративной. Д. Элазар в качестве примера конфедерации как одной из форм реализации федерализма приводит ЕС, подчеркивая его стремление к федерализации²⁸. О. Бо видит

²² Моисеев А.А. Надгосударственность в современном международном праве. М., 2007. С. 160, 170.

²³ Там же. С. 173–174.

²⁴ Например, в качестве аргумента можно сослаться на примат права ЕС (принцип верховенства права ЕС) по отношению к национальному праву государств-членов. См.: Case 6/64 Flaminio Costa v E.N.E.L. [1964]; Декларация 17 к Заключительному акту о принятии Лиссабонского договора, включающая текст экспертного заключения юридического службы Совета о примате права ЕС от 22 июня 2007 года.

²⁵ Мюллер-Графф П.-К. Указ. соч. С. 83–84, 94.

²⁶ См.: п. 2 ст. 5 Договора о Европейском Союзе (ДЕС).

²⁷ Мюллер-Графф П.-К. Указ. соч. С. 94–96.

²⁸ См.: Elazar D. Op. cit. P. 18.

в ЕС федерацию «на пути становления»²⁹. А.О. Четвериков, называя ЕС интеграционной организацией, в которой в наивысшей степени проявляются наднациональные черты, приводит мнение большинства экспертов, что ЕС имеет смешанную юридическую природу и сочетает в себе черты разных типов государственных союзов, в том числе федерации³⁰.

В доктрине³¹ также обращается внимание, что как наднациональная интеграционная организация ЕС давно перерос стадии классической международной организации или конфедерации, но в то же время далек от превращения в полноценное федеративное государство, несмотря на присущие ему многие федеративные черты. Аналогичной позиции придерживается Б.Г. Манов³². В свою очередь, С.Ю. Кашкин занимает промежуточную позицию. Он использует понятие наднациональной организации политической власти, которая формировалась изначально с использованием инструментов международного права, но развивалась в *федеративном*, государст्वоподобном направлении³³. Интересна также позиция М.В. Столярова, согласно которой ЕС представляет собой супергосударство³⁴.

В числе прочих имеет право на существование подход, согласно которому ЕС представляет собой не федеративное государство или супергосударство, а скорее *федерацию государств*. Далее в статье мы будем следовать этому подходу, но исключительно в целях данного исследования.

Есть мнение, что ЕС представляет собой союз государств, который при этом не является государством, что необходимо подчеркнуть³⁵. Э. Золлер, исследуя возможность причисления ЕС к федерации государств, отмечает, что международное право, действующее между государствами-членами, эволюционировало и в итоге перестало быть международным, а стало федеральным и, следовательно, конституционным³⁶.

В пользу квалификации ЕС как федерации государств можно привести еще наличие у ЕС пакта, т.е. федеративного договора (в форме международного соглашения). Кроме того, одной из целей «отцов-основателей» было посредством создания экономического союза в угледобывающей и сталелитейной областях избежать повторения ужасов Второй Мировой войны. Однако этот же критерий, т.е. создание ЕС на основании международного договора, может служить и аргументом в пользу квалификации ЕС как международной межправительственной организации. Следовательно, возникает вопрос в отношении природы ДЕС и ДФЕС: это международные договоры или, скорее, федеративная конституция? Здесь необходимо уточнить, кто вправе толковать положения этих договоров. Федерация характеризуется, в частности, тем, что лишь высшая су-

²⁹ *Beaud O.* Op. cit. P. 95.

³⁰ Основы интеграционного права: учебное пособие / С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков. М.: Проспект, 2015. С. 89.

³¹ См.: *Бирюков М.М.* Европейское право: до и после Лиссабонского договора. М., 2013. С. 47–57; Основы интеграционного права. С. 88–89.

³² *Манов Б.Г.* Акты межгосударственных объединений / Международное право и национальное законодательство. М., 2009. С. 262. См. также: *Капустин А.Я.* Европейский Союз: интеграция и право. М., 2000.

³³ Введение в право Европейского Союза. С. 12.

³⁴ *Столяров М.В.* Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Сравнительное исследование. Казань, 1998. С. 268.

³⁵ См. в том числе ст. 1 ДЕС.

³⁶ *Zoller É.* Op. cit. n. 185. P. 155.

дебная инстанция вправе толковать конституционный (учредительный) акт. Согласно п. 3 б) ст. 19 ДЕС Суд ЕС в соответствии с договорами выносит решения в преюдициальном порядке по запросам национальных юрисдикционных органов о толковании права Союза или о действительности актов, принятых институтами ЕС. Соответственно, только Суд ЕС уполномочен толковать учредительные договоры. В практике Суда ЕС можно также найти подтверждение конституционной природы учредительных договоров ЕС³⁷. Так, например, в своем мнении по делу 1/76 *Fonds européen d'immobilisation de la navigation intérieure*³⁸ Суд, уточнив природу Договора об учреждении ЕЭС, квалифицировал данный Договор как внутреннюю конституцию Сообщества; а в решении по делу 294/83 *Parti écologiste "Les Verts"/Parlement européen*³⁹ подтвердил свою позицию, квалифицировав Договор как базовую конституционную хартию.

Обязательно необходимо упомянуть об особой природе права ЕС. Из практики Суда Европейских Сообществ, в особенности связанной со знаменательным делом 6/64 *Costa/E.N.E.L.*, вытекает верховенство (примат) права Сообществ (ныне ЕС) по отношению к праву государств-членов. Суд также четко квалифицировал право Сообщества как самостоятельную правовую систему. Необходимо в особенности сослаться на решения Суда по делам 26/62 *Van Gend en Loos*⁴⁰ и C-6, 9/90 *Francovich v. Italy*⁴¹, на мнение Суда по делу 1/91 *First EEA*⁴².

Следует в том числе упомянуть ст. 13 ДЕС (где перечисляются институты ЕС) и ст. 288 ДФЕС, на основании которой институты Союза вправе принимать регламенты, директивы, решения, рекомендации и заключения. Особенно интересны регламенты и директивы. В соответствии со ст. 288 ДФЕС регламент имеет общее действие и, являясь обязательным в полном объеме, подлежит прямому применению во всех государствах-членах. Директива также имеет обязательную силу, но только для каждого государства-члена, кому она адресована, и только в отношении результата, которого требуется достичь.

Привлекает внимание позиция, занятая в 1970 г. Судом ЕС при разрешении дела 11/70 *Internationale Handelsgesellschaft*⁴³, согласно которой основные права, гарантированные национальной Конституцией, не могут противоречить праву Сообщества (ныне ЕС). В 2002 г. Суд ЕС в решении по делу C-285/98 *Tanja Kreil*⁴⁴ пришел к выводу, что верховенство права ЕС должно распространяться на конституционную норму Германии, которая запрещала женщинам проходить военную службу. При этом важно заметить, что речь шла не о нормах первичного права ЕС, а вторичного права (директивы). Все это также может быть истолковано как подтверждение, что ДЕС и ДФЕС имеют сходство с федеративной Конституцией, а не с международными договорами.

Выявляя федеративные черты, нельзя, естественно, обойти вниманием распределение полномочий между ЕС и государствами-членами. Здесь следует сослаться, в том

³⁷ См., например: *Aff. 8/55 Fédération Charbonnière de Belgique // Rec. 1955–1956. Vol. II. P. 291. О подразумеваемых полномочиях см.: Zoller É. Op. cit. n. 18. P. 59; Simon D. Le système juridique communautaire. Paris, 2001. n. 68. P. 381.*

³⁸ *Avis 1/76, Fonds européen d'immobilisation de la navigation intérieure, 26 avril 1977, Rec. P. 741, spéc. P. 758.*

³⁹ *Aff. 294/83 Parti écologiste "Les Verts"/Parlement européen, 23 avril 1986. Rec. P. 1339.*

⁴⁰ *Aff. 26/62 Van Gend en Loos, 1963. Rec. P. 3.*

⁴¹ *Cases C-6, 9/90 Francovich v. Italy, [1991] ECR I-5357.*

⁴² *Opinion 1/91, First EEA Case, [1991] ECR 6079.*

⁴³ *Aff. 11/70, Internationale Handelsgesellschaft, 17 décembre 1970, Rec. P. 1125.*

⁴⁴ *Aff. C-285/98, Tanja Kreil, 11 janvier 2000. Rec. P. I-69.*

числе, на п. 6 ст. 3, ст. 5, п. 2 ст. 13 ДЕС. Анализ этих положений и, прежде всего, ст. 5 ДЕС, делает бесспорным вывод, что полномочия Союза вытекают из принципа наделения компетенцией⁴⁵. Если обратиться к ДФЕС, то в ст. 3 и 4 закреплены исключительная компетенция ЕС и совместная компетенция ЕС и государств-членов. Таким образом, как и многочисленные конституции федеративных государств, учредительные акты ЕС содержат основное положение о разделении компетенций.

Выше были рассмотрены институциональные категории ЕС, а именно, природа права ЕС и, прежде всего, учредительных договоров, а также распределение компетенции между ЕС и государствами-членами. Некоторые исследователи на основании анализа данных категорий делают вывод, что ЕС представляет собой федерацию в процессе создания или уже сложившуюся федерацию⁴⁶. Однако необходимо помнить, что из самой сущности федерации государств следует, что возможно заимствование определенных элементов международного права, необходимых для ее существования. Это подтверждают материальные аспекты европейского федерализма.

Э. Золлер понимает федерализм в двух аспектах: конституционном и международном⁴⁷. Международный аспект характеризуется «наделением индивида, связанного с государством, правами или обязанностями, которые могут быть как внутренними для государства, так и внешними»⁴⁸. Он также заключается в привязке, которая связывает гражданина и государство и позволяет норме федерального или международного права непосредственно влиять без участия государства на индивида посредством своей институциональной структуры, механизмов и т.д.⁴⁹ Применительно к ЕС международный аспект выражается в основных свободах, которыми граждане государств-членов наделены учредительными актами, и в наличии гражданства ЕС. Последнее, безусловно, является характеристикой государства, а не международной организации.

Первоначально проникновение федеративного влияния в сферу ведения государств затрагивало свободу движения лиц, которая касалась исключительно экономически активного населения (ст. 45–62 ДФЕС, бывшие ст. 39–55)⁵⁰. Точнее, речь шла о свободе движения лиц наемного труда (трудящихся) (ст. 45–48 ДФЕС, бывшие ст. 39–42), свободе (дословно «праве») учреждения (свободе движения лиц, занимающихся самостоятельной постоянной коммерческой деятельностью)⁵¹ (ст. 49–55 ДФЕС, бывшие ст. 43–48), и оказания услуг (ст. 56–62 ДФЕС, бывшие ст. 49–55). После принятия Единого европейского акта (1986) и, в первую очередь, Маастрихтского договора (1992) понятие свободы движения лиц стало включать внеэкономический аспект. Речь идет о гражданстве (Европейского) Союза (ст. 20–25 ДФЕС, бывшие ст. 17–22). В свою очередь, гражданство основывается еще на одной свободе — свободе передвижения и постоянного проживания граждан Союза на территории государств-членов (п. 1 ст. 21 ДФЕС, п. 1 бывшей ст. 18). Данная свобода носит не столь экономический, сколько именно политический характер.

⁴⁵ Однако этот аргумент в доктрине толкуется и в пользу международной природы ЕС. См. выше о подходе П.-К. Мюллер-Граффа.

⁴⁶ См., в том числе: *Beaud O.* Op. cit. P. 95; *Leben Ch.* A propos de la nature juridique des Communautés européennes // *Droits*, 14. 1991. P. 61.

⁴⁷ *Zoller É.* Op. cit. n. 125, 126. P. 117, 118.

⁴⁸ *Ibid.* P. 118.

⁴⁹ *Ibidem.*

⁵⁰ Бывшие статьи это статьи Договора об учреждении Европейского Сообщества.

⁵¹ Данный термин используется Ю.М. Юмашевым для обозначения свободы учреждения. См.: *Юмашев Ю.М., Постникова Е.В.* Экономическое право Европейского Союза. М., 2014. С.120–123.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что положения учредительных договоров ЕС (ныне ДФЕС), касающиеся данных свобод, имеют прямое действие. Начало этому было положено в 1963 г. решением Суда Европейских Сообществ по делу 26/62 *Van Gend en Loos*⁵². Суд постановил, что право Союза, будучи независимым от законодательства государств-членов, не только возлагает обязательства на индивидов, но также наделяет их правами, которые становятся частью их правового достояния. Впоследствии прямое действие распространилось на все основные свободы, что является подтверждением международного аспекта европейского федерализма⁵³. Примечательно, что Э. Золлер подчеркивает, что именно посредством экономических свобод и прав индивидов происходило развитие европейского федерализма⁵⁴. Суд провозгласил «ЕЭС новым порядком международного права, в пользу которого государства ограничились, хотя и в ограниченных сферах, свои суверенные права, субъектами которых являются не только государства-члены, то также и их граждане»⁵⁵. В связи с этим можно ассоциировать основные свободы и некоторые другие положения Договора с субъективными конституционными правами.

Еще одна неотъемлемая характеристика федерации государств — это гражданство⁵⁶. Права, вытекающие из гражданства ЕС, не предполагают участия государств-членов. Связь граждан государств-членов с Союзом является непосредственной и не требует посредничества со стороны государств. Так иллюстрация международного аспекта федерализма, в свою очередь, подтверждает наличие федеративных черт у ЕС.

Итак, об элементах федерализма в ЕС можно говорить с определенной долей условности или, точнее, с определенной точки зрения, т.е. смотря какую форму его реализации иметь в виду. В ЕС элементы федерализма выражаются, например, в правовой природе учредительных актов, субъекте их толкования, порядке распределения компетенций между Союзом и государствами-членами, в принципах деятельности ЕС, порядке формирования некоторых институтов ЕС, гражданстве ЕС, основных свободах. Кроме того или, скорее, прежде всего следует отметить приоритет права ЕС и прямое действие некоторых норм права ЕС.

Компетенция Европейского Союза в сфере МЧП

В Европе МЧП традиционно воспринималось с позиций партикуляризма, т.е. как присущее каждому государству. Иными словами, каждое государство располагало правотворческой компетенцией в сфере МЧП. Что касается Франции, то наиболее распространенной концепцией было адаптирование норм внутригосударственного права в соответствии с особенностями международной сферы. Основная концепция — это концепция

⁵² Aff. 26/62 *N.G. Algemene Transport en Expeditie Onderneming Van Gend en Loos c/ Administration fiscale néerlandaise*, 1963. Rec. P. 3, spéc. P. 23.

⁵³ В отношении ст. 45 ДФЕС (бывшей ст. 39): Case 167/73 *Commission/France* [1974] ECR 359; Case 36-74 *Walrave* [1974] ECR 1405; Case C-415/93 *Bosman* [1995] ECR I-04921; Case C-281/98 *Angonese* [2000] ECR I-04139; Case C-18/95 *Terhoeve* ECR I-345. В отношении ст. 49 ДФЕС (бывшей ст. 43): Case 2-74 *Reyners* [1974] ECR 631. В отношении ст. 56 ДФЕС (бывшей ст. 49): Case C-33/74 *Van Binsbergen* [1974] ECR 1299. См. подробнее о прямом действии экономических свобод ЕС: Юмашев Ю.М., Постникова Е.В. Указ. соч. С. 66–69, 123–126, 183–185, 211–215.

⁵⁴ *Zoller É.* Op. cit. n. 181. P. 153.

⁵⁵ См. также решение по делу C-6, 9/90 *Francovich v. Italy*.

⁵⁶ См.: ст. 20–24 ДФЕС.

«проецирования» внутригосударственных норм на международную сферу. Э. Бартен термин «проецирование» определяет свою партикуляристскую концепцию МЧП⁵⁷.

В ЕС регулирование вопросов, входящих в сферу МЧП (коллизии между законодательствами государств-членов, как и между законодательствами государств-членов и третьих стран), традиционно относилось к ведению государств-членов⁵⁸. Ситуация изменилась в связи с внесением изменений в учредительные договоры Амстердамским договором⁵⁹ и присоединением Сообщества к Гаагской конференции по МЧП. Так, с момента вступления в силу Амстердамского договора (1 мая 1999 г.), как известно, ЕС посредством расширительного толкования ст. 61, 65 и 67 Договора об учреждении Европейского Сообщества (ныне 67 и 81 ДФЕС) стал претендовать на наличие у него компетенции в сфере МЧП. Ст. 61 (ныне с изм. 67 ДФЕС) предусматривает в целях постепенного создания пространства свободы, безопасности и правосудия принятие мер, содействующих сотрудничеству судебных органов в гражданских делах, как это предусмотрено ст. 65 (ныне 81 ДФЕС).

П. б) ст. 65 Договора об учреждении Европейского Сообщества в редакции Амстердамского договора содержал соответствующие уточнения. Так, меры в области сотрудничества судебных органов в гражданских делах, которые имеют трансграничный характер и должны были быть приняты в соответствии со ст. 67, в той мере, в какой это необходимо для надлежащего функционирования внутреннего рынка, должны были включать в себя помимо прочего обеспечение совместимости действующих в государствах-членах норм в сфере конфликта законов и юрисдикций⁶⁰. Проблема заключается в том, что Европейское Сообщество воспринимало только себя в качестве исполнителя данной задачи.

Возникает целый ряд вопросов: что означают «меры»? Что означает «обеспечение»? В частности, вопрос о том, какие именно меры вправе предпринимать Парламент и Совет на основании п. 2 п. с) ст. 81 ДФЕС, ведет к выяснению объекта внутренней компетенции ЕС⁶¹.

Итак, сфера применения компетенции ЕС, прежде всего, ограничена положениями ст. 81 ДФЕС (бывшая ст. 65), которая находится в Разделе V ДФЕС «Пространство свободы, безопасности и правосудия». То есть меры не могут выходить за рамки регулирования отношений, связанных с той или иной свободой. Компетенция ЕС ограничена также содержанием самой ст. 81 ДФЕС: меры ЕС по обеспечению совместимости действующих в государствах-членах норм в сфере конфликта законов и юрисдикций должны быть реализованы, если это необходимо для нормального функционирования внутреннего рынка. Компетенция ЕС в сфере судебного сотрудничества по гражданским делам является ничем иным, как внутренней компетенцией, т.е. в отношении ситуаций, связанных с территориями двух или более государств-членов ЕС⁶². Следовательно, это

⁵⁷ *Bartin É.* Études de droit international privé, Paris, 1899. P. II.

⁵⁸ См. ст. 293 Договора об учреждении Европейского Сообщества (исключена Лиссабонским договором).

⁵⁹ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and related acts // Official Journal C 340, 10.11.1997.

⁶⁰ Ныне с изм. пп. с) п. 2 ст. 81 ДФЕС.

⁶¹ См., например: *Ancl B. & Lequette Y.* Les grands arrêts de la jurisprudence française de droit international privé, Dalloz, 5e éd., 2006, n° 7-8, n. 2, p. 62; n. 5-6, pp. 215–216.

⁶² См., например: *Gaudemet-Tallon H.* Droit international privé et Code civil / 1804–2004, Le Code civil, Un passé, un présent, un avenir. Paris, 2004. P. 749 ets. P. 769.

исключает любую компетенцию ЕС по МЧП в сфере чисто внутренних ситуаций (в рамках одного государства-члена) и одновременно означает, что компетенция ЕС не распространяется на отношения, связывающие одно или несколько третьих государств, т.е. отношения, регулируемые международным правом⁶³.

Союз не обладает исключительной компетенцией в данной области, разделяя ее с государствами-членами. Следовательно, сослаться на то, что законодательство Союза обладает высшей юридической силой, нельзя. Ввиду этого появляются многочисленные трудности. Вкратце можно выделить два типа подобных трудностей: с одной стороны, связанные с вопросом о сфере применения в пространстве полномочий государств-членов и Союза в целом, с другой — касающиеся разграничения полномочий.

Между тем, именно исходя из обозначенных правовых оснований были предложены и приняты на уровне ЕС различные регламенты, например, «Рим I» и «Рим II». Таким образом, Сообщество, а в дальнейшем — и Союз, более чем «обеспечивал» совместимость норм: они были унифицированы! То есть, еще один дискуссионный момент связан с тем, не вышел ли ЕС за рамки необходимого для нормального функционирования внутреннего рынка? Не являются ли меры непропорциональными и/или противоречащими принципу субсидиарности? Каждый из перечисленных регламентов, касается ли он вопросов конфликта юрисдикций или применимого права, считался способствующим установлению согласованности норм, подлежащих применению, в государствах-членах в области конфликта законов и споров о подсудности⁶⁴. Между тем Союз, проводя унификацию норм о юрисдикции и конфликтах законов государств-членов, вышел за рамки своей компетенции.

Рассмотрим, например, вопрос соблюдения принципа пропорциональности посредством принятия Регламента «Рим I». Что касается вопроса пропорциональности, то принятие данного Регламента должно было быть, прежде всего, необходимо для нормального функционирования внутреннего рынка. То есть здесь мы понимаем устранение препятствия для реализации четырех свобод внутреннего рынка. В этом смысле можно считать, что унификация коллизионных норм в сфере договорных обязательств содействует упрощению движения товаров, услуг, капиталов и лиц между государствами-членами ЕС. Меры, предпринимаемые ЕС, должны также иметь целью обеспечение согласованности коллизионных норм государств-членов. Здесь могут возникнуть различные дискуссии, но ясно одно: унификация коллизионных норм посредством принятия Регламента выходит за пределы цели — обеспечение согласованности норм⁶⁵. Складывается впечатление, что подобные меры являются непропорциональными и выходят за рамки компетенции ЕС.

В отношении соблюдения *принципа субсидиарности* можно отметить, что также присутствуют сомнения по поводу обоснованности замены Конвенции о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам от 19 июня 1980 г. (Римская конвенция) между государствами-членами ЕС, Регламентом «Рим I»⁶⁶. В действительности,

⁶³ См.: Avis 1/94, 15 novembre 1994. Rec. P. I-5267, point 81. Суд ЕС определяя содержание понятия «общая торговая политика», уточнил, что положения ДФЕС, касающиеся свободы учреждения и свободы предоставления услуг, не предполагают распространение компетенции ЕС на отношения, относящиеся к международному праву.

⁶⁴ См.: пп. с) п.2 ст. 81 ДФЕС.

⁶⁵ См. также: *Audit B. Droit international privé*. 5e éd. Paris, 2008. P. 52.

⁶⁶ См., например: *Lagarde P. Le nouveau droit international privé des contrats après l'entrée en vigueur de la Convention de Rome du 19 juin 1980 // Rev. crit. DIP*. 1991. 287.

следуя институциональным особенностям, наследуемым от Маастрихтского договора, многие государства-члены не связаны обязательствами, вытекающими из регламентов (принятых на основании бывшей ст. 61 и следующих за ней статей, ныне это ст. 67 и следующие за ней ст. ДФЕС). Таким образом, некоторые регламенты, которые заменили международные конвенции (например, «Брюссель I», заменивший Брюссельскую конвенцию о юрисдикции и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам от 27 сентября 1968 г.) на момент своего принятия распространили свое действие не на все государства-члены ЕС. В частности, речь шла о Дании⁶⁷ и Великобритании⁶⁸. Это означало, что государства-члены достигли больших результатов конвенционным путем, чем ЕС посредством регламентов. Конвенционная система показала себя более эффективной, чем система ЕС, для гармонизации коллизионных норм государств-членов в сфере обязательств.

Следует отметить, что не все рассуждения о правомерности принятия Регламента «Рим I» применимы к Регламенту «Рим II», поскольку до его принятия не существовало конвенции, аналогичной Римской конвенции 1980 года. Однако универсальный характер⁶⁹ обоих регламентов не входит в пределы компетенции ЕС на основании ст. 81 ДФЕС (бывшей 65)⁷⁰. Таким образом, имело место нарушение как принципа субсидиарности, так и принципа пропорциональности, которые являются основополагающими принципами права Европейского Союза (п. 3 и 4 ст. 5 ДЕС). Вследствие этого конституционность, по крайней мере, проанализированных выше текстов может быть оспорена, так же, как и их пространственная сфера действия⁷¹.

В связи с этим возникает вопрос: должны ли мы считать, что Союз обладает определенной компетенцией в сфере регулирования частноправовых отношений, которые выходят за рамки межгосударственных? Этот новый вопрос является чрезвычайно сложным и ответ на него должен быть детальным, если предположить, что вопрос конституционности названных текстов был предварительно решен (чего в настоящий момент сделано не было).

Между тем вспомним, что Лиссабонский договор несколько изменил положение дел (ст. 65 Договора об учреждении Европейского Сообщества стала ст. 81 ДФЕС) и, казалось бы, что государства-члены не хотят ставить под сомнение действительность подобных актов. Может сложиться впечатление, что европейский федерализм «выиграл» по данному вопросу.

⁶⁷ Согласно п. 46 Преамбулы к Регламенту «Рим I», п. 21 Преамбулы к Регламенту «Брюссель I», ст. 1 и 2 Протокола о позиции Дании (№ 5), прилагаемого к Договору о Европейском Союзе и Договору об учреждении Европейского Сообщества (ныне Протокол № 22 к ДЕС и ДФЕС), Дания не участвует в принятии этих регламентов, не связана ими и не подчиняется их действию.

⁶⁸ Согласно п. 44 Преамбулы Регламента «Рим I», ст. 3 Протокола о позиции Соединенного Королевства и Ирландии Ирландия уведомила о желании участвовать в принятии и применении Регламента. Согласно п. 45 Преамбулы, ст. 1 и 2 Протокола Соединенное Королевство не участвует в принятии Регламента, не связано им и не подчиняется его действию. Однако статус Великобритании изменился после принятия Регламента, поскольку Правительство Великобритании направило официальное письмо Совету министров от 24 июля 2008 г., в котором выражалось согласие на применение «Рим I» на тех же условиях, что и остальные государства-члены ЕС. См.: Note de transmission de M. Kim Darroch, representant permanent du Royaume-Uni en date du 24 juillet 2008. Doc. 12143/08.

⁶⁹ См.: ст. 2 Регламента «Рим I» и ст. 3 Регламента «Рим II».

⁷⁰ Меры, принятые в целях создания пространства свободы, безопасности и правосудия, должны быть ограничены территориями государств-членов и не могут иметь универсального характера (ст. 67 ДФЕС, бывшая 61; ст. 349 ДФЕС, бывшая 299).

⁷¹ См. подробнее: *Heymann J. Le droit international privé à l'épreuve du fédéralisme européen*. Paris, 2010.

Что касается так называемой «внешней» компетенции ЕС (способности ЕС вступать в международные отношения с третьими странами или международными организациями), то подробно останавливаться на ней не будем. Первоначально лишь две статьи непосредственно касались подобной компетенции Сообщества: ст. 133 и 310 Договора об учреждении Европейского Сообщества⁷² (ст. 207 и 217 ДФЕС). Следует еще назвать ст. 220 ДФЕС (бывшие ст. 302–304), согласно которой Союз устанавливает любое полезное сотрудничество с органами ООН и ее специализированными учреждениями, с Советом Европы, ОБСЕ и ОЭСР. Отметим, что данная статья в отличие от ст. 207 и 217 не предусматривает права ЕС участвовать в переговорах по заключению международных договоров с указанными международными организациями. В ст. 186, 191, 211, 219 ДФЕС закрепляется компетенция ЕС в сфере переговоров и заключения договоров в целях установления международного сотрудничества в основном в сферах, по которым он располагает внутренней компетенцией.

В отношении внешней компетенции Союза по вопросам МЧП также есть трудности и сомнения, в частности, она подвергается критике в связи с Гагской конференцией по МЧП⁷³. Если вспомнить об ограниченной внутренней компетенции ЕС по вопросам МЧП, то представляется странным его присоединение к международному объединению, чья цель заключается в прогрессивной унификации норм МЧП. В связи с этим возникает вопрос о наличии у ЕС внешней компетенции по вопросам МЧП. Правовые основы присоединения Сообщества к Гагской конференции по МЧП закреплены в Решении Совета от 26 октября 2006 г.⁷⁴ В частности, особенный интерес вызывает п. 6 Приложения 2, смысл которого сводится к тому, что Сообщество, осознавая, что «никакая внешняя компетенция прямо не предусмотрена в Договоре об учреждении Европейского Сообщества», ссылается непосредственно на практику Суда ЕС⁷⁵; Сообщество может заключать международные договоры, когда внутренняя компетенция уже была использована в целях принятия мер по реализации общих политик. Конечно, для внесения ясности в вопрос наличия у ЕС компетенции, необходимо подробно изучить Статут Гагской конференции по МЧП. Ввиду параллельности внутренней и внешней компетенции ЕС кажется логичным считать, что внешняя компетенция, как и внутренняя, в обязательном порядке также является ограниченной. Ключевой вопрос федерализма заключается не только в распределении полномочий между федеральными властями и властями субъектов федерального объединения в рамках отношений внутреннего характера, но возможно, он более остро стоит в связи с отношениями «истинно» международных.

Влияние материального права ЕС на законодательство государств-членов в сфере МЧП

Еще один аспект, который может показаться интересным, связан с влиянием материального права ЕС (положения в отношении, например, гражданства ЕС, свободы (права) учреждения) на механизмы правового регулирования вопросов, входящих в сферу

⁷² Бывшие ст. 113 и 238 Договора об учреждении ЕЭС.

⁷³ Европейское Сообщество официально стало членом Гагской конференции по МЧП 3 апреля 2007 г. в качестве региональной организации экономической интеграции.

⁷⁴ *Décision relative à l'adhésion de la Communauté européenne à la Conférence de La Haye de droit international privé (2006/719/CE)*, JOUE du 26 octobre 2006. L 297/1.

⁷⁵ См., в том числе: *Case 22/70 European Agreement on Road Transport [1971] ECR 263*.

МЧП, действующие на государственном уровне. Национальное правовое регулирование должно быть приведено в соответствие с положениями права ЕС и субъективными правами физических и юридических лиц, которые вытекают из практики Суда ЕС. Отстаивая свои права, они как граждане ЕС получали то, в чем им было отказано при реализации норм МЧП соответствующих государств-членов. Например, речь может идти о возможности иметь двойную фамилию. Так, дело немецкого суда Grunkin-Paul послужило первопричиной Решения Суда ЕС от 14 октября 2008 г. Суть дела заключалась в следующем. Л. Маттиас (родители: граждане Германии Д. Пауль и С. Гренкин)⁷⁶ родился в Дании, но этот факт автоматически не повлек приобретения им гражданства Дании, и он стал гражданином Германии.

Из датского МЧП следует, что вопросы, связанные с определением фамилии, регулируются правом места постоянного проживания, которое, в свою очередь, устанавливается в соответствии с законодательством Дании. Также датский Закон о личных именах (*Lov om personnavne* № 193, 29.04.1981) должен был применяться к этому ребенку⁷⁷. Данный Закон предусматривал, что ребенок может приобрести фамилию обоих родителей посредством смены фамилии в административном порядке. Таким образом, административные власти Дании позволили родителям изменить фамилию ребенка с Пауля на Гренкин-Пауль. Однако родители получили отказ во внесении ребенка в регистр актов гражданского состояния Германии, поскольку соответствующие положения немецкого законодательства предусматривают лишь альтернативу: фамилия либо матери, либо отца. В последующем они обжаловали этот отказ в нескольких инстанциях.

В итоге немецкий суд (*Amtsgericht*) г. Нибюлля обратился в Суд ЕС: в свете принципа недискриминации, закрепленного в ст. 12 (ныне ст. 18 ДФЕС), и, учитывая свободу передвижения, гарантированную каждому гражданину ЕС ст. 18 (ныне ст. 21 ДФЕС), коллизонная норма немецкого закона (ст. 10 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению (EGBGB): фамилия лица определяется законом государства его происхождения) может ли действовать в той мере, в которой она связывает вопрос определения фамилии исключительно с гражданством? Суд ЕС не ответил на этот преюдициальный вопрос, отрицая свою компетенцию на основании ст. 234 Договора об учреждении Европейского Сообщества⁷⁸. Суд посчитал, что немецкий суд выполнял административные функции, а не рассматривал дело по существу.

Следует еще отметить, что данная история получила продолжение. В 2006 г. родители ребенка обратились в суд г. Фленсбурга, чтобы потом в органах регистрации актов гражданского состояния г. Нибюлля признали двойную фамилию их сына. Суд Фленсбурга усомнился в соответствии положений немецкого законодательства о присвоении фамилии праву ЕС и обратился к Суду ЕС с аналогичным вопросом, ответ на который должен был установить, имеет ли место нарушение бывших ст. 12 и 18 Договора об учреждении Европейского Сообщества⁷⁹. Отметим сразу, что нарушение ст. 12 установлено не было. На этот раз Суд ЕС постановил, что учитывая обстоятельства дела, ст. 18 была нарушена, и признано, что Маттиас был вправе реализовать свое право, предусмотренное ст. 18 свободно перемещаться и проживать в рамках территории ЕС. Неразрешенность вопроса с фамилией могла привести к серьезным трудностям при реализации свободы

⁷⁶ Ребенок — Leonhard Matthias, мать — Dorothee Paul, отец — Stefan Grunkin.

⁷⁷ В то же время этот Закон был заменен Законом № 524 от 24 июня 2005 г. об именах (*Navnelov*), вступившим в силу 1 апреля 2006 г. Новый Закон предусматривал расширение возможностей выбора.

⁷⁸ Case C-96/04 Standesamt Stadt Niebüll, 27 april 2006. ECR I-3561.

⁷⁹ Case C-353/06 Stefan Grunkin et Dorothee Regina Paul, 14 october 2008. ECR I-07639.

движения лиц, в том числе, что касается документов об образовании. Если говорить иначе, то гражданин любого государства-члена с этих пор может ссылаться на препятствие реализации этих свобод, чтобы получить признание данным государством-членом ситуации, возникшей на территории другого государства, несмотря на то, что связанные с ней права не могут быть реализованы. Можно еще добавить, что ЕС обладает лишь ограниченной по сфере применения компетенцией по вопросам семейного права, которая, по идее, не включает вопросов, связанных с личным статусом индивида. Решение Суда, кажется, принималось именно исходя из такого расширения компетенции ЕС.

Итак, данное дело порождает ситуацию *диагонального конфликта*. Обстоятельства дела свидетельствуют об эффективной реализации свобод передвижения и проживания, предусмотренных ныне ст. 21 ДФЕС. Поскольку присутствует трансграничный фактор, то ситуация Маттиаса подпадает под двойную компетенцию: компетенцию государств в связи с вопросом определения фамилии и компетенцию ЕС в отношении прав, вытекающих из гражданства ЕС. Однако, есть сомнение в том, что, не посягая на компетенцию государств-членов или ЕС, данный тип диагонального конфликта может быть надлежащим образом разрешен. Суд умело обошел этот сложный вопрос, чем вызвал целый поток критики.

Классическое понимание конфликта законов, основанное исключительно на горизонтальном подходе, становится устаревшим применительно к специфической правовой природе ЕС. В рамках ЕС можно было бы выделить два типа конфликтов законов: горизонтальные (между нормами права двух или более государств-членов) и вертикальные (между нормами права государств-членов и права ЕС). Однако в некоторых случаях конфликты горизонтального и вертикального характера сталкиваются и смешиваются, что обусловлено чертами федерализма у ЕС. Это породило возникновение нового, гибридного типа конфликтов — диагонального конфликта⁸⁰. В итоге заимствования черт федерализма конфликты законов в рамках ЕС впредь должны пониматься как совокупность и традиционных частноправовых вопросов, и вопросов разделения компетенций, которые должны теперь рассматриваться с точки зрения конфликта.

Логика федерализма влечет последствия для МЧП государств-членов, которые в основном принимают форму конституционных ограничений и концентрируются в сфере основных свобод ЕС. Создается впечатление, что европейский «федерализм» породил самый настоящий переворот в плане классического понимания конфликта законов. Отношения государств-членов с ЕС или между собой, характеризующиеся признаками федерализма, вписываются в конституционные рамки. В сфере МЧП это направление конституционализации ЕС воспринимается двояко: с одной стороны, как притязания на нормативную компетенцию, первоначально сформулированные в учредительных договорах Сообщества, а с другой стороны — как существование субъективных конституционных прав, гарантированных гражданам государств-членов ЕС и противопоставляемых законодательству государств-членов ЕС.

Заключение

Как было показано выше, ЕС свойственны федеративные черты, которые позволяют рассматривать его в качестве федерации государств. При этом нельзя забывать об от-

⁸⁰ См.: Christoph M., Schmid U. Vertical and Diagonal Conflicts in the Europeanisation Process / Ch. Joerges, O. Gerstenberg (eds.) / Private Governance, Democratic Constitutionalism and Supranationalism. Brussels, 1998. P. 185–191.

сутствии доктринального единогласия в отношении правовой природы ЕС. Например, ЕС обладает также многими характеристиками, свойственными и международной межправительственной организации (с элементами наднациональности). Однако учитывая цели данной статьи, было рассмотрено влияние федеративных начал на отношения ЕС и государств-членов по вопросам, входящим в сферу МЧП. Итак, компетенция ЕС, как внутренняя, так и внешняя, в сфере МЧП является компетенцией ограниченной. Данная компетенция не является исключительной компетенцией Союза, а совместной с государствами-членами. Федеративные черты ЕС произвели переворот в отношении традиционного понимания конфликтов законов, что привело к возникновению нового типа конфликта — «диагонального конфликта», который представляет собой смешивание горизонтальных и вертикальных отношений.

В рамках ЕС МЧП в течение последнего десятилетия получало активное закрепление на конституционном уровне (если, конечно, считать, что ДЕС и ДФЕС являются своего рода федеративной «конституцией»), и что вопросы, которые входят в сферу его регулирования, теперь должны приобретать «публичный» характер, делая привычное деление права на частное и публичное относительным.

Библиография

- Манов Б.Г. Акты межгосударственных объединений / Международное право и национальное законодательство. М.: ЭКСМО, 2009. С. 262.
- Моисеев А.А. Надгосударственность в современном международном праве. М.: Научная книга. 2007. 287 с.
- Мюллер-Графф П.-К. Лиссабонский договор в системе первичного права Европейского Союза. Пер. с нем. Юмашева Ю.М. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 1. С. 80–99.
- Основы интеграционного права: учебное пособие / С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков. М.: Проспект, 2015. 224 с.
- Юмашев Ю. М., Постникова Е. В. Экономическое право Европейского Союза. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. 384 с.
- Ancel B., Lequette Y. Les grands arrêts de la jurisprudence française de droit international privé. Paris., 2006. n° 7-8, n. 2. P. 62; n. 5–6. P. 215–216.
- Aubert J.-F. Traité de droit constitutionnel suisse. Vol. 1. Neuchâtel: Ides et Calendes, 1967. n. 510. P. 195.
- Beaud O. Fédéralisme et souveraineté, Notes pour une théorie constitutionnelle de la Fédération // RDP. 1998. P. 83–122.
- Christoph M., Schmid U. Vertical and Diagonal Conflicts in the Europeanisation Process / Ch. Joerges & O. Gerstenberg, eds. Private Governance, Democratic Constitutionalism and Supranationalism. Brussels: European Commission, 1998. P. 185–191.
- Elazar D. *Federal System of the World: A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements*. Harlow, 1994. P. 15–21.
- Gaudemet-Tallon H. Droit international privé et Code civil / 1804–2004, Le Code civil, Un passé, un présent, un avenir. Paris. 2004. P. 749, 769.
- Hartley T. European Union in a Global Context: text, cases, materials. 2004. P. 145–155.
- Heymann J. Le droit international privé à l'épreuve du fédéralisme européen. Paris: Economica, 2010. 424 p.
- Leben Ch. A propos de la nature juridique des Communautés européennes // Droits. 14. 1991. P. 61.
- Quermonne J.-L. Existe-t-il un modèle politique européen? // Rev. fr. sc. pol. 1990. P. 192–211, spéc. P. 194.
- Simon D. Le système juridique communautaire. Paris, 2001. n. 68, 381.
- Zoller É. Aspects internationaux du droit constitutionnel, Contribution à la théorie de la fédération d'États // RCADI. 2002. P. 63–64, 150–153.

Federalism in International Private Law of the European Union

Elena Postnikova

Associate Professor, Department of International Public and Private Law, Law Faculty, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: epostnikova@hse.ru

Jeremy Heymann

Agrége des Facultes de Droit, University de Lyon (Lumiere), docteur de droit. Address: 4 bis Rue de Universite, F — 69007, Lyon, France. E-mail: Jeremy.Heymann@univ. lyon2. Fr

Abstract

With the tendency of economic integration represented in spreading integrational associations, the concept of federalism should not be probably identified only with a form of state territorial pattern but some international organizations and or interstate unions. A representative example is the European Union (EU). When uniting states in an interstate or international union, a decision should be made on the obligation to administer collisions in private law under various legal systems. The objective of the research is to determine the authority of competence in administering the issues of EU international private law and to identify the features of the EU as a federation. Relying on the doctrine, EU constitutional documents and the cases of the European Court of Justice, the paper identifies representative features of the EU and stresses the lack of consensus on the legal nature of the EU. The EU competence in international private law both internal and external is limited. Seeking to unify the norms of the member states as to the conflict of laws, the EU exceeded its competence, which is found in violating the principles of subsidiarity and proportionality. The paper on the basis of the EUCJ cases as to a double-barrelled surname examines the influence of EU material law on the mechanisms of legal regulation within international private law and valid at the national level. The features of federation of the EU changed completely the traditional understanding of conflict of laws, which has caused the emergence of a new conflict, i.e. diagonal conflict. The philosophy of federalism bears consequences for the international private law of the member states which mainly accept the form of constitutional limitations and concentrate on the EU's fundamental freedoms. As a result of borrowing the features of federalism, the conflicts of laws within the EU should be further understood as a complex of conventional private law issues and the issues of sharing competences which require interpretation as conflicts from now on.

Keywords

federalism, international private law, federation, conflict of laws, federation of states, law of European Union.

Citation: Postnikova E.V., Heymann J. (2015) Federalism in International Private Law of European Union. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 147–164 (in Russian).

References

- Ancel B. & Lequette Y. (2006) *Les grands arrêts de la jurisprudence française de droit international privé*. Dalloz, 5e éd.
- Audit B. (2008) *Droit international privé*. Paris: Economica, p. 52.
- Beaud O. (1998) *Fédéralisme et souveraineté*. Notes pour une théorie constitutionnelle de la Fédération. RDP, pp. 83–122.
- Beaud O. (1994) *La puissance de l'État*. Paris: PUF, p. 147.
- Biryukov M.M. (2013) *Evropeyskoe pravo: do i posle Lissabonskogo dogovora* [European Law: before and after Lisbon Treaty]. Moscow: Statut (in Russian)
- Christoph M., Schmid U. (1998) *Vertical and Diagonal Conflicts in the Europeanisation Process. Governance, Democratic Constitutionalism and Supranationalism*. Brussels: European Commission, pp. 185–191.

- Chernichenko S.V. (2014) *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshchie voprosy* [Contours of International Law. General Issues]. Moscow: Nauchnaya kniga, 592 p. (in Russian)
- Chalmers D, Davies G, Monti G. (2014) *European Union law. Cases and materials*. Cambridge University Press, p. 2-41.
- Ganyushkina E.B. (2012) Pravovaya priroda mezghosudarstvennykh ob"edineniy [Legal Nature of Interstate Unions] / Pravovye issledovaniya: novye podkhody. Moscow: Kontrakt Publishing, pp. 478–490 (in Russian).
- Hartley T. (2004) *European Union Law in a Global Content: text, cases, materials*, pp. 145–155.
- Heymann J. (2010) *Le droit international privé à l'épreuve du fédéralisme européen*. Paris: Economica,
- Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O. (2015) *Osnovy integratsionnogo prava* [Basics of Integrational Law]. Moscow: Prospekt, 224 p. (in Russian)
- Kapustin A.Ya. (2000) *Evropeyskiy Soyuz: integratsiya i pravo* [European Union: Integration and Law]. Moscow, 436 p. (in Russian)
- Manov B.G. (2009) Akty mezghosudarstvennykh ob"edineniy [Acts of Interstate Unions]. *Mezhdunarodnoe pravo i natsional'noe zakonodatel'stvo* [International Law and National Legislation]. Moscow: Eksmo, p. 262.
- Moiseev A.A. (2007) *Nadgosudarstvennost' v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Suprastate Status in International Law]. Moscow: Nauchnaya kniga, 287 p. (in Russian)
- Mueller-Graff P.-Chr. (2008) Lissabonskiy dogovor v sisteme pervichnogo prava Evropeyskogo Soyuz [Lisbon Treaty within EU Primary Law]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 1, pp. 80–99.
- Quermonne J.-L. (1990) Existe-t-il un modèle politique européen? *Rev. fr. sc. pol.*, p. 192–211, spéc. p. 194.
- Stolyarov M.V. (1998) *Rossiya v puti. Novaya federatsiya i Zapadnaya Evropa. Sravnitel'noe issledovanie po problemam federalizma i regionalizma v Rossiyskoy Federatsii i stranakh Zapadnoy Evropy* [Russia on the Road. A New Federation and Western Europe. Comparative Research on Federalism and Regionalism in the Russian Federation and Western Europe]. Kazan': Fen, p. 268 (in Russian)
- Yumashev Yu. M., Postnikova E. V. (2014) *Ekonomicheskoe pravo Evropeyskogo Soyuz* [European Union Economic Law]. Moscow : NORMA, 384 p. (in Russian)
- Yumashev Yu.M. (2012) Razvitie «Evropeyskoy idei» posle Pervoy mirovoy voyny: ot «Panevropy» Kudenkhova-Kalergi do «neofunktionalizma» E.Khaasa i mezghosudarstvennoy teorii integratsii A. Moravchika [Development of the European Idea since WWI: from Pan-Europe to Neofunctionalism and Theory of Integration]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, no 6 (37), p. 70–82.
- Simon D. (2001) *Le système juridique communautaire*. Paris: PUF, 3e éd., n. 68, 381.
- Ushakov N.A. (1997) *Gosudarstvo v sisteme mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya* [State in the System of International Law Regulation]. Moscow: Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences, pp. 50–58.
- Vittstum V. et al. (2011) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow; Berlin: Infotropik Media, 992 p. (in Russian)
- Vishnyakov V.G. et al. (2003) *Pravo i mezghosudarstvennye ob"edineniya* [Law and Interstate Unions]. Saint Petersburg, p.13 (in Russian)
- Zoller E. (2002) Aspects internationaux du droit constitutionnel, Contribution à la théorie de la fédération d'États. *RCAD*, pp. 63–64, 150–153.